

СВЕТСКИЕ ВЕДОМОСТИ

М. ИСК

ДЕКАБРЬ
1989

№8

НЕЗАВИСИМОЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Modeli History Archives
Archiiv Narodnjake Historiji
Povod 11/1 - strana 22/2

ЕЛЬЦИН, СТАВЛЕННИК АППАРАТА
ИЛИ НАРОДНЫЙ ТРИБУН ???

ГОРБАЧЁВ ЛИДЕР ПЕРЕСТРОЙКИ
ИЛИ СПАСИТЕЛЬ НОМЕНКЛАТУРЫ?

**И «КРЕМЛЁВСКИЕ
ИГРЫ»**

"Травля, развёрнутая против меня М.С.Горбачёвым..."

Читателю, без сомнения, знакомы эти слова. Они принадлежат народному депутату СССР Б.Н.Ельцину. Что ж, у него были основания так сказать, ибо кто усомнится в том, что известные события — начиная с осуждения выступления Ельцина на Пленуме ЦК, посвящённом 70-летию Октября, и кончая перепечаткой из "Республики" — происходили без ведома и санкции Горбачёва. Но не будем судить сгоряча.

Положим на одну чашу весов партийно-бюрократическую гирю, привязанную к правой ноге Горбачёва, а на другую — десятилетиями копившееся негодование, гнущее генсека влево /отсюда и его половинчатая политика/. Что перетянет сегодня, но не перетянет завтра, и весы то качнутся вправо, то перетянутся влево.

Человек, желающий что-либо изменить в тоталитаризмом задушенной стране, должен понимать, что сделать это можно только сверху. Горбачёв хочет изменить /и изменил-таки!/ ситуацию в стране к лучшему /только не будем говорить про сахар и мыло, землетрясения и катастрофы/. И, как это ни странно, Горбачёва до сих пор не переизбрали на внеочередном Пленуме ЦК "ужа-жаемые товарищи правые" /в основном, благодаря своевременной перетасовке ЦК/. Его не скинули со свистом и "лёвые", потому что он — ПОЛИТИК. Он — мастер баланса — опасной, но благородной игры, ибо крайность — злейшее из зол.

Помещенный ниже материал целиком посвящён Горбачёву. Почему же в заголовке очутилась фамилия "Ельцин"? И зачем, собственно, было сказано всё предыдущее? Дело в том, что из источников, близких к партруководству, стало известно, что этот материал распространяется именно Ельциным. Подобного рода вещи являют собой логичнейшие ходы в тех самых "Кремлёвских играх", о которых ниже пойдёт речь. Кроме того, сегодня уже невозможно говорить о Горбачёве, не задевая мимоходом его напряжённых отношений с Ельциным.

Согласно точке зрения ДС, Ельцин — подставная фигура партаппарата, подсунутая доверчивому народу, чтобы поддержать в массах иллюзию, что у партии есть ещё порох в пороховницах. Но тогда "мученик перестройки" Ельцин и в самом деле должен был быть героической личностью, чтобы сознательно пойти на потерю своего благополучия в обмен на беспокойное право быть народным любимцем.

Если же всё это происходило без его воли /но с той же целью/, то он — просто пешка в аппаратной игре. В обоих случаях предоставляем на суд читателей материалы, способствующие эскалации "кремлёвских игр" и, в конечном счёте, укреплению "руководящих" позиций КОМПАРТИИ. Невидимый простым людям нюанс заключается в том, делается ли всё это по соглашению с Горбачёвым или неведомые силы в ЦК просто сталкивают двух "козлов отпущения", готовясь торжественно осудить "ошибки" прежнего /пока ещё нынешнего/ руководства.

Вторая точка зрения отстаивает стремление Ельцина любым путём вернуть себе прежние позиции в руководстве, причём, не гнушаясь при этом никакими методами, от аппаратной игры до народной поддержки и его традиционно русской веры в "народного царя".

И, наконец, немало людей, принимающих всё происходящее за чистую монету, исключают закулисные манёвры. С этой позиции данный материал представляет собой "случайно" просочившиеся сведения, обосновывающие необходимость смещения "плохого и беспринципного" Горбачёва и замены его "хорошим"... Ельциным. Но кто отчётливо представляет себе взгляды Ельцина?? Многие разочарованы его категоричным, импульсивным, прохрущёвским характером, проявившимся на предвыборном выступлении перед студентами и сотрудниками МФТИ. Упорно держится мнение, что большинство москвичей /89%/ голосовало за Ельцина исключительно из чувства протеста против зажима любой критики, а вовсе не из-за того, что поддерживают программу Ельцина.

Так или иначе, вся история с Ельциным ярко свидетельствует о том, как далеко мы продвинулись по пути к цивилизованному обществу. И произошло это в немалой степени благодаря Горбачёву. Не будем строго судить застойные времена и тех людей, кто копошился тогда наверху: народ заслуживает то правительство, которое имеет. Но будем строги к аппаратным играм сегодня и к тем, кто в них сегодня играет — Горбачёв, Ельцин или кто-либо ещё.

ОТ РЕДАКЦИИ

Вечером 1 сентября 1978 года на железнодорожной станции Минеральные Воды на Северном Кавказе сделал непредусмотренную остановку поезд специального назначения. В нём из Москвы в столицу Азербайджана следовал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев в сопровождении своего помощника К.У.Черненко. На перроне курортного городка их встретили председатель КГБ Ю.В.Андропов, проходивший курс лечения в соседнем Кисловодске, и партийный хозяин Ставропольского края, в который административно входили Минеральные Воды, — М.С.Горбачёв.

К слову сказать, Андропов и Горбачёв были уроженцами здешних мест, земляками, и это послужило пусть не единственной, но одной из причин их дружбы, хотя между ними было почти 17 лет разницы. А укрепили эту дружбу регулярные поездки Андропова в ставропольский санаторий "Красные камни" — таинственный шеф тайной полиции предпочитал лечиться в родных местах. По долгу службы, дружбы и на правах хозяина Горбачёв обхаживал своего высокого гостя, но делал это деликатно, ненавязчиво со свойственным ему тактом и с учётом отличия Андропова от других кремлёвских олимпийцев: Андропов не шёл, не охотился, шумным компаниям предпочитал уединение, и даже отдыхая и лечась, продолжал работать, поддерживая круглосуточную связь с Москвой.

Вот и сейчас он вынужден был прервать свой отдых, чтобы встретиться с Брежневым и его ближайшим другом и доверенным лицом — Черненко. По протоколу и в силу субординации ни Андропов, ни тем более Горбачёв не могли маневрировать этой встречей. Да и не в их интересах было её пропустить.

Брежнев мог проехать в Баку и не останавливаться на станции Минераль-

ные Воды. Вопрос об остановке был решён в самую последнюю минуту перед отъездом из Москвы. Организатором встречи был Андропов, а выигрывал от неё Горбачёв. За время этой краткой остановки решилась его судьба, — к концу года он уже был переведён в Москву. Таким образом, эту встречу следует считать исторической — 19 сентября 1978 года на перроне маленькой станции сошлись четыре человека, которым было суждено сменить друг друга в качестве руководителей Советского государства.

Политическое вознесение Михаила Горбачёва явилось результатом, а точнее — побочным продуктом "больших кремлёвских игр", которые в 1978 году вступили в решающую стадию. Для того, чтобы Горбачёв попал в Москву, судьбе пришлось столкнуться в жестоком поединке двух его главных покровителей — Юрия Владимировича Андропова и Фёдора Давыдовича Кулакова, который закончился победой первого и гибелью последнего.

Вот как было дело.

Если личность Андропова читателю хорошо знакома по многочисленным советским и зарубежным публикациям, то Кулакова, наиболее вероятного претендента на кремлёвский престол, необходимо за давностью лет представить заново, тем более, что именно он сыграл ключевую роль в раннем восхождении Горбачёва, пока шефство над провинциальным аппаратчиком не перешло в Андропову.

Неожиданный рывок в карьере Горбачёва — правда в пределах его ставропольских пенатов, где он сидел более двадцати лет после окончания Московского университета, — произошёл, когда руководителем Ставропольского края был присланный из Москвы Кулаков. Лицо независимое, с собственными идеями

преобразования России, он оказался в Ставрополе по капризу Хрущёва, который использовал здешние места для "ссылки" своих опальных приспешников /до Кулакова сюда был сослан маршал Булганин, член Политбюро, премьер и одно время - постоянный спутник Хрущёва в его поездках за границу/.

Какова бы ни была причина высылки Кулакова из Москвы в Ставрополь, она явно не была вызвана идейными разногласиями с Хрущёвым - скорее личными. Ведь Кулаков был сам человеком хрущёвского склада - не бюрократ, а работник, чувствующий личную ответственность за бедственное положение экономики страны и, как Хрущёв, осознающий острую необходимость радикальных перемен. Волевой, реформаторский, с большой долей импровизации, стиль Кулакова оказал глубокое воздействие на молодого Горбачёва, и позднее тот не раз попытается имитировать Кулакова на разных высоких постах, включая высший пост в советской империи.

Именно под началом Кулакова Горбачёв проделал значительную эволюцию - от идеологического ортодокса-сталиниста, каким он был в Московском университете, до реформатора-хрущёвца. Откуда было Горбачёву знать, что неожиданно для мира, страны, и для самого себя, Хрущёв, этот реформатор-самоучка и потрясатель советской системы, уйдёт на пенсию "ввиду преклонного возраста и по состоянию здоровья"/такова была официальная формулировка причин отставки Хрущёва/! Любопытно, однако, что именно в Ставропольском крае, когда там секретарствовал Кулаков, окончательно вызрел приведший к падению Хрущёва заговор бывших его соратников во главе с Брежневым.

Осенью 1964 года Кулаков принимал кремлёвских заговорщиков "у себя" на юге, в Тебердинском заповеднике. Во время прогулки и за вечерним застольем план переворота был выверен до последних деталей. Кремлёвские гости полностью доверяли Кулакову, поскольку он числился среди жертв хрущёвского самоуправства, и его поддержка заговора считалась само собой разумеющейся.

И в самом деле, поддерживая практические реформы Хрущёва и его примитивный грубый демократизм, Кулаков всё более приходил в отчаяние от непоследовательности и необдуманной импульсивности Хрущёва. К тому же, загнав Кулакова в ставропольскую глушь, Хрущёв лишил этого деятеля какой-либо политической перспективы, и в случае снятия Хрущёва для Кулакова брезжил луч надежды оказаться опять в Москве, в центре власти.

Итак, кремлёвские конспираторы могли полностью положиться на сво-

гостеприимного ставропольского хозяина.

Горбачёв в это время ведал в Ставропольском крайкоме кадрами и к заговору по "малолетству" и по номенклатурной незначительности не примыкал. Однако вообще не знать о заговоре он не мог, будучи доверенным лицом Кулакова и наблюдая небывалое скопление кремлёвских тузов в их глухой провинции. Видимо, это был первый усвоенный Горбачёвым урок борьбы за верховную власть, хотя настоящая школа интриг у него впереди, когда непревзойдённым учителем станет Андропов.

Уже через месяц с небольшим после падения Хрущёва, Фёдор Кулаков, участвовавший в заговоре на вторых ролях был тем не менее возвращён в столицу, в ЦК, где возглавил отдел сельского хозяйства ЦК, - путь, аналогичный тому, который спустя 14 лет проделает его протеже Горбачёв. Так Кулакову удалось выправить тяжёлый вывих, причинённый его государственной карьере 4 годами ставропольской ссылки, и возобновить свою реформаторскую деятельность, где его ждали крупные удачи, неуклонное приближение к власти и трагическая смерть.

А пока что у Михаила Горбачёва появился в столице влиятельный патрон, который и способствовал вскоре головокружительному взлёту его провинциальной карьеры. В 1970 году Горбачёв становится полномочным хозяином Ставропольского края, по размеру равного Австрии. Однако в масштабе СССР это было не так уж здорово - один из 181 провинциальных партийных секретарей, по числу территориальных единиц Советского Союза. Шансы подняться когда-нибудь до руководящей должности в Москве у Горбачёва практически мало отличались от нуля, - особенно если учесть, что всего несколькими годами ранее из Ставрополя в Москву был вызван Кулаков и там уже работал другой ставропольчанин по происхождению - Андропов. Поставляя к кремлёвскому столу бутылки "Нарзана" из местных минеральных источников, Горбачёв и думать не мог, что сам когда-нибудь будет сидеть за этим столом, а в конце концов и председательствовать за ним.

Кстати, именно минеральные источники Ставрополя были главной причиной политических дивидендов партийного руководителя этого края, а вовсе не богатые чернозёмные земли и собираемые с них урожаи.

В Ставрополе находится главная курортная зона страны - район Кавказских минеральных вод, и на их основе построены курорты всесоюзного значения, где применяются прогрессивные методы грязевого и ванного лечения. В этом благодатном районе с тёплым

но не жарким летом и мягкой и сухой зимой сосредоточены правительственные лечебницы и дачи, куда хода нет рядовому советскому гражданину. Здесь отдыхают, лечатся, принимают целебные ванны, то есть по старинному обычаю русской аристократии приезжают "на воды" со своими супругами и детьми кремлёвские руководители, министры, партийные боссы крупных городов, редакторы центральных газет и генералы.

Горбачёв, партийный губернатор края, встречает самых важных гостей, сопровождает до места отдыха, навещает время от времени, осведомляясь, всё ли в порядке, нет ли жалоб, — ведёт себя, как и положено гостеприимному хозяину, и постепенно завязывает самые близкие отношения с главными руководителями страны. Это совсем не то, что встречаться с ними в Москве на заседаниях ЦК, где собирается около двух сотен таких же, как он, областных секретарей и где невозможно выделиться из безликой провинциальной массы — разве только своей молодостью.

В одну из лечебниц для высшей партийной элиты, в "Красные Камни" под Кисловодском, зачастил Юрий Владимирович Андропов, чтобы подлечить почки, а отчасти из ностальгических чувств: санаторий находился в нескольких десятках километров южнее станции Нагутская, где будущий шеф КГБ и Генеральный секретарь родился 15 июня 1914 года.

Андропов жил в "Красных Камнях" в уединённом коттедже, ни с кем не общался, если не считать регулярно приезжавших к нему из Москвы сотрудников КГБ. Единственным из местных, для кого Андропов делал исключение, был Горбачёв, — его машину андроповская охрана пропускала беспрепятственно.

Вскоре однако укромная дача в "Красных Камнях" превращается в плацдарм, с которого Андропов начинает свой крестовый поход против коррупции, приведший в конце концов его к верховной власти в стране. И происходит это с подсказки его молодого друга и земляка Михаила Горбачёва.

Как известно, соседние провинции в Советском Союзе вступают между собой в соревнование по всем видам экономических, бытовых и культурных показателей, и называется это соревнование социалистическим, дабы исключить из него "буржуазный" дух стяжательства, наживы, зависти и обмана. На самом деле именно этими качествами и определяется "социалистическое" соревнование, ибо от его исхода зависят премии, награждения и продвижение по службе местных руководителей. Соревнование между Ставропольским краем

Михаила Горбачёва и Краснодарским краем Сергея Медунова исключением из этого правила не являлось. Однако Горбачёву в этом соревновании заранее была уготована роль побеждённого, — не только потому, что земли Краснодарского края тучнее, чем на Ставрополье, но прежде всего потому, что Медунов был старым приятелем Брежнева, а потому никому, кроме него самого, не подотчётен и мог фальсифицировать свои показатели, как хотел, не опасаясь проверки. Брежнев, как известно, старался своих друзей в обиду не давать, считая это нарушением кодекса дружбы. Эта система покровительства, выручки, протекционизма и продвижения приятелей вообще была основным механизмом его власти, который досконально изучил на посту председателя КГБ Андропов, перед тем, как начать свой подкол под Брежнева через Медунова. Именно на него у Андропова имелось компрометирующее досье, составленное не без помощи М. Горбачёва, который не только выслуживался таким образом перед своим могущественным гостем, но и одновременно сводил давние счёты с соседом.

Как установил с помощью Горбачёва Андропов, в Краснодарском крае, а особенно в черноморской курортной зоне города Сочи, коррупция и взяточничество в партийном и государственном аппарате получили государственный статус. Чтобы купить машину, приобрести квартиру, добиться повышения по службе и даже получить на ночь номер в гостинице, требовалось дать взятку. Ничто иное не срабатывало. Более того, именно Краснодарский край оказался транзитной зоной валютной операции на много миллионов долларов по продаже за границу чёрной икры в банках из-под тихоокеанской селёдки.

Понимая, что просто положить на стол Брежнева "дело Медунова" значило бы вызвать у Генерального секретаря обратную реакцию, Андропов организует поток "писем трудящихся" из Краснодарского края в ЦК, КГБ и "Правду" с жалобами на местное руководство и отчаянными призывами о помощи; с помощью своей всемогущей организации, и при активном содействии Горбачёва собирает компрометирующие факты против сочинского мэра, дабы возбудить против него судебное преследование; разгоняет Министерство рыбной промышленности за операции с чёрной икрой в селёдочной упаковке. Заместитель министра был приговорён к смертной казни, чем снимался номенклатурный иммунитет с брежневских выдвиженцев.

Цель Андропова — прорвав первую фортификационную линию Брежнева, приступить к штурму второй: кремлёвской.

В самом Кремле в это время происходит событие из ряда вон выходящее,

а именно — убийство. Вот почему нам придётся следуя законам детективного жанра, прервать данную сюжетную линию и возвратиться к предыдущей.

Ставропольский покровитель Горбачёва — Фёдор Давыдович Кулаков проявил себя самым решительным, энергичным и принципиальным человеком в Брежневском Политбюро.

"Невозможное" случилось: Кулаков стал секретарём ЦК и членом Политбюро. Все, кто был во второй половине 70-х годов так или иначе связан с кремлёвским истеблишментом и с кем нам приходилось в Москве встречаться, рассказывали о независимости и принципиальности Кулакова — качествах крайне редких на кремлёвском Олимпе. Один из журналистов "Правды" назвал его даже "вторым Хрущёвым", — и тут же добавил: "...но без его закидонов".

В это время Брежнев уже был тяжело болен, в январе 1976 года кремлёвским врачам с трудом удалось его вывести из состояния клинической смерти, и с тех пор он находился в сеннальном состоянии. "Наверху" решено было с почётом спровадить Брежнева на пенсию, а на его место назначить Кулакова.

По другому более позднему варианту московских слухов, за Брежневым должны были сохранить только что обретенный им номинальный пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, а пост генерального секретаря партии передать Кулакову. О том, что эти слухи имели под собой реальные основания, говорит хотя бы следующий факт: в одном из московских НИИ наш приятель лично присутствовал на "закрытой" лекции инструктора ЦК, который официально подтвердил вторую версию и добавил, что это "вопрос времени": утечка информации в данном случае имела преднамеренный характер.

Увы, всему этому не суждено было сбыться.

В ночь с 16 на 17 июля 1978 года Фёдор Кулаков, как сообщил ТАСС скончался от острой сердечной недостаточности с внезапной остановкой сердца". Одновременно КГБ распространил слухи, что крестьянский сын Фёдор Кулаков после неудачной попытки захватить власть перерезал себе на чинный манер вены.

Люди, близко знавшие Кулакова, опровергали оба сообщения, утверждая, что он был здоров, как бык, не зная, что такое головная боль или простуда, был неисправимым оптимистом. Детальный и одновременно путанный отчёт специальной медицинской комиссии во главе с главным кремлёвским врачом Евгением Чазовым вызвал ещё большие подозрения, которые были косвенно подтверждены тем, что ни Брежнев, ни Косыгин, ни Суслов, ни Черненко не явились на похороны своего

коллеги по Политбюро — случай беспрецедентный в разработанном до мелочей церемониале похорон на Красной площади. По Москве поползли зловещие слухи о том, что в Кремле появился убийца, который сам метит на место больного Брежнева. Кулаков оказался кремлёвской мафии не ко двору, и его "испарили" по Оруэллу.

Именно с Кулакова начинается кампания Андропова по устранению тем или иным способом соперников и врагов. Это время загадочных опал и не менее загадочных смертей. Реестр жертв кремлёвской борьбы за власть показывает, как много подлежащих устранению соперников стояло на пути Андропова. Из них следует особо выделить четверых членов Политбюро, наиболее вероятных кандидатов на кремлёвский престол: удалённых без видимых причин Кирилла Мазурова и Андрея Кириленко и "погибших" Петра Машерова /в "автомобильной катастрофе"/ и Фёдора Кулакова.

20 июля 1978 года на похоронах Кулакова на Красной площади, где демонстративно отсутствовали кремлёвские лидеры, с надгробным словом по умершему выступил его ставропольский, а вскоре и московский преемник Михаил Горбачёв. Это было его первое выступление с трибуны Мавзолея, прошедшее незамеченным. Следующему, через семь лет, на похоронах другого его предшественника, будет внимать весь мир.

Смерть Кулакова помогла Горбачёву больше, чем его покровительство: в Кремле освободилось то единственное место, на которое Горбачёв с его узкой специализацией мог претендовать пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству. В тесный, замкнутый круг кремлёвской элиты, редко доходящей до дожины /а ко времени "воцарения" Горбачёва весной 1986 года он вовсе поредел до восьми человек/, Михаил Горбачёв попал благодаря не собственным интригам, а чужим /точнее, пересечению интриг его нового патрона Андропова/: на место трагически выбывшего Кулакова и в награду за услугу, оказанную Горбачёвым Андропову в деле Медунова. Именно Андропов устроил Горбачёву встречу на станции Минеральные Воды. Здесь в келейном порядке всё было и решено. Что же до сельского хозяйства, то именно со следующего года после приезда в Москву Горбачёва в России начинается и продолжается по сию пору непрерывная полоса катастрофических урожаев, сравниваемая разве что с предсказанными Иосифом семью урожайными годами в земле фараоновой. Однако на его политической репутации это не отразилось

и несколько не помешало его политической карьере. Ещё одно свидетельство, насколько тайные интриги в Кремле важнее явных успехов либо провалов в политике и экономике.

Горбачёв попал в самый эпицентр кремлёвских игр и интриг, которые к концу семидесятых — началу восьмидесятых годов достигли своего апогея в связи с недееспособностью номинального руководства страны со стороны Брежнева. Так что Горбачёву было не до сельского хозяйства, которым занимаясь — не занимайся — один прок.

Андропову важно было иметь под рукой главного, хотя и тайного свидетеля против Медунова. Борьба вокруг Медунова была напряжённой, Брежнев и Косыгин цеплялись за него, как утопающий за соломинку — и уже не только по долгу службы. Ведь залогом их власти является не только возможность выдвигать своих людей на ответственные и доходные посты, но также и защищать их в случае необходимости. Брежневцы защищают теперь Медунова уже из чистого инстинкта самосохранения.

Но к 1982 году Брежнев уже не смог больше защищать от политических козней Андропова своего старого друга и ближайшего помощника Андрея Кириленко /Андропов просто перестал пускать его на заседания Политбюро/, а своего свояка генерала Семёна Цвигуна не защитил даже от физической расправы /первый заместитель Андропова, Цвигун пытался остановить расследование дела брежневского зятя, но был найден у себя в кабинете на Лубянке с простреленной головой/, и Медунов тоже пал окончательно и бесповоротно. За пять месяцев до смерти Брежнева в "Правде" появилось краткое сообщение: Медунов "освобождён от занимаемой должности в связи с переходом на другую работу" — канцелярская форма опалы высокопоставленного чиновника. На самом деле вместо "другой работы", Медунов был исключён из партии, а на его место назначен срочно прибывший из Гаваны "дипломат поневоле" Виталий Воротников /тот был отправлен на Кубу брежневской мафией в почётную ссылку — за то, что слишком уж активно помогал Андропову в его борьбе с коррупцией/. Спустя ещё год, в награду за верность и в возмещение морального ущерба, Андропов, уже будучи генсеком, назначает Воротникова премьером Российской Республики, зводит в кандидаты Политбюро, а ещё через полгода, уже со смертного одра, делает его полноправным членом Политбюро — самая фантастическая по своим перепадам, элементам акробатики, и самая стремительная по скорости кремлёвская карьера за всю Советскую историю.

Что же касается коррупции, то ни Медунов, ни зять Брежнева Юрий Чур-

банов не являлись исключением, а наоборот, подтверждали правило: "Власть развращает"; ну, а абсолютная власть развращает абсолютно, — особенно в Советском Союзе, где общественно-экономические отношения определяются не свободным товарно-денежным обменом, не обменом идей и информации, но почти исключительно сословно-бюрократической иерархией.

Естественно, что Горбачёв отнюдь не был воплощением неподкупности у себя в Ставрополье, дополнительное объяснение тому — почти патологическая тяга его жены к предметам роскоши и прочим излишествам. Но, видимо, коррупция затронула его в меньшей мере, чем его западного соседа Медунова, хотя, несомненно, в большей, чем его южного соседа Эдуарда Шеварднадзе, который руководил тогда Грузией. Сейчас они мирно уживаются под кремлёвской крышей, а в середине 70-х годов между этими двумя протеже Андропова произошло резкое столкновение. Ни Горбачёв, ни Шеварднадзе, правда, не знали, что у них в Москве один и тот же покровитель. Андропов не поощрял даже самые преданные ему союзы и группировки, все нити сходились непосредственно к нему, между собой не соприкасаясь. Он был кукловодом, а они — марионетки.

В 1972 году генералу Шеварднадзе, тогда ещё начальнику грузинской милиции, удалось в помощь Андропова свергнуть с поста партийного лидера Грузии давнего приятеля Брежнева Мжаванадзе и занять его место. Это был вариант полицейского переворота, впервые испробованный генералом КГБ Гейдаром Алиевым в другой кавказской республике Азербайджане /при непосредственном содействии того же Андропова, — который, как видим, дважды отрёпетировал на Кавказе, а потом совершил в Москве аналогичный путч против брежневской камарильи/.

Надо сказать, что в Грузии, как и в Азербайджане, кумовство, взяточничество, подкуп, "покушка" высоких должностей /включая министерские/, наконец, подпольная промышленность, успешно конкурирующая с государственной, достигли фантастического размаха. Шеварднадзе, будучи как и Алиев, человеком неукротимой энергии и замечательной изобретательности, вёл борьбу за возвращение своей республики под общее командование Кремля с переменным успехом, и грузинская одиссея носила более сложный, разветвлённый и запутанный характер, чем прямолнейная и жестокая — с расстрелами за экономические преступления — борьба с коррупцией в Азербайджане. Да и сам Шеварднадзе был всегда более живым, интеллигентным и предприимчивым человеком, чем его азербайджанский

коллега — человек-компьютер Алиев.

Их дальнейшая, "уже кремлёвская", судьба — ещё одно свидетельство их индивидуальных различий: оба были вызваны в Москву, вошли в Политбюро, Алиев стал первым замом премьера, а Шеварднадзе министром иностранных дел но в то время, когда последний по сей день удерживается на своём посту, первого давно заставили уйти на пенсию.

На посту руководителя грузинских коммунистов Шеварднадзе повёл борьбу с коррупцией ещё с большим размахом и бескомпромиссностью. Он сменил снизу доверху чуть ли не всех должностных лиц и заполнил грузинские тюрьмы бывшими сановниками и подпольными капиталистами. Его борьба, однако, вызвала сопротивление в самых различных кругах грузинского общества. Ведь именно экономическая немощь государства способствовала расцвету частной инициативы, и подпольный капитализм по сути восполнял здесь пробелы централизованной экономики.

Сопротивление его полицейско-бюрократическим мерам приобрело национальную окраску, когда Шеварднадзе, будучи принципиальным интернационалистом, попытался заменить грузинский язык — в качестве государственного в республике — русским. Мотивировал он это тем, что русский для народов СССР — всё равно, что английский для всего остального человечества. И ещё более он уязвил национальное самолюбие, когда в Москве с трибуны партийного съезда заявил, что для Грузии солнце восходит не на востоке, как для всего мира, а на севере — из России.

Уязвлённые всем этим, грузины решили расправиться с Шеварднадзе физически. Однако его личный шофёр, которому грузинская мафия поручила спасти Грузию от предателя, в последний момент пустил пулю не в "предателя", а в себя. В другой раз не сработала самодельная бомба в здании Грузинского ЦК. В третий — тбилисский театр оперы и балета имени Палиашвили загорелся на несколько часов до прибытия туда партийной элиты во главе с Шеварднадзе на празднование годовщины победы над Германией — и похлал целые сутки.

Когда мы, несколько месяцев спустя, приехали в Тбилиси, нам показывали обгоревший остов этого театра как символ национальной ненависти к отступнику.

Из попыток Шеварднадзе "прочистить" капиталистический свинарник республики /его собственное высказывание/ отметим одно пустяковое дело, которое, однако, накрепко застыло, несмотря на все усилия Шеварднадзе. Это было тем более странно, что с помощью Андропова ему удавалось уличить преступников, которым покровительствовал лично Брежнев, вылавливая их прямо из

кремлёвских приёмных, где они дождались своих влиятельных патронов. В данном же случае речь шла не о Москве, а о ничтожном, с точки зрения Шеварднадзе, Ставрополе.

Напуганные размахом борьбы Шеварднадзе с коррупцией, несколько частных предприятий, изготавливающих ювелирные украшения, кольца, цепочки, браслеты, изделия из мельхиора, а так же несколько ресторанов-шашлычных и цехов по производству фруктовых соков в срочном порядке перебазировались в соседний Ставропольский край, где под государственными вывесками успешно продолжали развивать "теневую экономику".

Однако их процветание по другую сторону Кавказского хребта оказалось под угрозой, когда Шеварднадзе с помощью московского КГБ и его ставропольского филиала настиг грузинских дельцов на месте преступления". Оставалось только затребовать от Ставропольской прокуратуры экстрадиции преступников, т.е. выдачи их обратно в Грузию. Шеварднадзе читал дело решённым и потому был ошарашен, получив твёрдый отказ Горбачёва.

Непохоже, чтобы причина этого горбачёвского упорства крылась в желании уже тогда ввести, в пределах хотя бы Ставропольского края, капиталистические элементы в социалистическую структуру. "Доброта" и одновременная неуступчивость Горбачёва могли иметь только одно объяснение.

Насколько известно, Шеварднадзе позвонил Горбачёву в Ставрополь и пригрозил ему, что в случае дальнейшего сопротивления пожелает в Москву. Со свойственной ему грубоватой лапидарностью Шеварднадзе сказал Горбачёву: — Слушай, я навожу у себя в доме порядок. А ты мне мешаешь. Подумай, кто ты, а кто я. Не стой у меня на дороге. Предупреждаю в последний раз — у меня в Москве рука. Ты выиграешь от этого пару тысяч, а потеряешь всё.

Однако, к великому изумлению и унижению Шеварднадзе, Горбачёв отстоял грузинских дельцов. Крайкомовский секретарь, которого Шеварднадзе не без основания считал по рангу ниже руководителя любой из 15 союзных республик, оказался на самом деле могущественнее и влиятельнее его, — даже там, где речь шла о прямом нарушении закона. Московская "рука" Горбачёва была сильнее московской "руки" Шеварднадзе, хотя в обоих случаях это была одна и та же рука — председатель КГБ Юрий Андропов. Просто из двух протекже он более высоко ценил своего земляка, у которого к тому же, в отличие от грузина Шеварднадзе, была реальная, и близкая перспектива попасть в Кремль.

Так состоялось первое близкое знакомство двух подопечных Андропова —

Оно началось с конфликта, который однако не помешал Шеварнадзе, уже в Горбачёвскую эпоху, оказаться в Кремле, где он, несмотря на полное отсутствие дипломатического опыта, сменив на посту министра иностранных дел престарелого Андрея Громыко — первый в русской истории полицейский генерал на этой должности. Такую объективность генсека Горбачёва в подборе ближайших кадров можно объяснить только тем, что е отнюдь не только из его людей создаётся высшая советская элита, что действуют там и другие силы.

Отметим одну характерную черту всей карьеры Горбачёва — он всегда был самым молодым из его коллег. Про таких говорят — из молодых, да ранний. В Московском университете Горбачёв был одним из самых юных студентов, ибо большинство его сокурсников оказались бывшими фронтовиками. Он был среди них самым молодым коммунистом, вступил в партию на втором курсе, когда ему было всего 21 год, и самым молодым членом университетского парткома, куда входили главным образом убежденные сединой профессора, администраторы и всего несколько студентов, да и те, в отличие от Горбачёва, последних курсов. Он был одним из самых молодых аппаратчиков в Ставропольском крайкоме партии, а когда в 1970 году стал первым секретарём — самым молодым из почти двух сотен партийных руководителей областей и республик.

Спустя год, минуя положенный стаж в кандидатском "предбаннике" ЦК, Горбачёв попадает на XXIV съезд партии прямым в ЦК КПСС, и оказывается /ему было тогда 40 лет/ самым молодым аппаратчиком в его составе.

В 1978 году, когда Горбачёв был вызван в столицу и назначен одним из 11 секретарей ЦК, он снова оказывается среди них молодым, так же, как спустя еще год — самым молодым кандидатом в члены Политбюро, Горбачёв годился в сыновья чуть ли не каждому своему коллеге, за единственным исключением ленинградского партийного босса Григория Романова.

Сравним Горбачёва ещё с его предшественником на посту Генерального секретаря Константина Черненко. Оба избраны в ЦК в 1971 году, а дальше Черненко идёт с опережением всего в два года: становится секретарем ЦК в 1976 году, кандидатом в члены Политбюро — в 1977, полноправным его членом — в 1978 году. Но какая между ними возрастная разница — Горбачёв родился в том самом году, когда Черненко вступил в партию!

Конечно, молодость Горбачёва относительна: Ленин умер в том возрасте, в каком Горбачёв "встал у руля". Он выигрывал благодаря фону, на котором разворачивалась его карьера.

При смертельно больном Андропове Горбачёв и Романов были единственными претендентами на пост руководителя партии, а, значит, и страны. Оба — секретари ЦК, оба — сравнительно молоды /хотя и с разницей в 8 лет/, оба — русские /непременное условие для занятия должности генсека/. Судьба свела их в совершенно искусственную, фальшивую пару, по сугубо внешним анкетным признакам — ведомственным, возрастным, социальным и национальным. И политическая жизнь в Кремле — сначала тайно, а при умирающем Андропове, а потом всё более открыто при умирающем Черненко — приняла постепенно характер отчаянной борьбы между Романовым и Горбачёвым. В разные периоды этой борьбы в нее вовлекались и другие члены кремлёвской элиты — кто на стороне Романова, а кто — Горбачёва, иногда она выходила на поверхность, и мир уведомлялся об очередных её жертвах. Но в эрвне эта политическая дуэль разыгралась у гроба Андропова.

О чём думал Андропов, давая им параллельные, равные посты и уже тем самым невольно отравливая?

У него было такое ограниченное количество своих людей в Кремле, когда он захватил власть, и он так остро нуждался в сторонниках своего курса, что в срочном порядке вызвал в столицу тех, кто успел показать свою эффективность на местах: Виталия Воротникова после того, как тот "железной метлой" прошёл по остаткам меуновской команды в Краснодарском крае; Гейдара Алиева, который провёл в своём прововавшемся Азербайджане такую жестокую борьбу с коррупцией, что смертный приговор за экономические преступления стал там обыденным явлением; Егора Лигачёва из Томска и, наконец, Григория Романова из Ленинграда.

За 13 лет своего партийного наместничества Романов ухитрился превратить этот город в бастион глухой реакции, в главный оплот шовинистов и неосталинистов. Но нельзя не отметить и такую сторону полицейского режима в Ленинграде при Романове: он стал образцовым городом по промышленным показателям, порядку и чистоте.

Так что идеологически Романов больше, чем кто бы то ни было, подходил Андропову, когда тот стал Генеральным секретарем. И при ограниченности выбора и ограниченности времени бывший шеф тайной полиции, вообще не очень чуткий к психологическим нюансам и мыслящий скорее грандиозными схемами, вынужден был смотреть сквозь пальцы на индивидуальные отличия и терния между Горбачёвым и Романовым. Более того, именно Горбачёва послал Андропов в Ленинград, чтобы забрать в столицу Романова, который хотя и был

членом Политбюро, но постоянно пребывал на расстоянии 650 км. от эпицентра власти, и "привести к присяге" его преемника Льва Зайкова, который через несколько лет сам будет вызван в Москву: взамен сначала побеждённого и изгнанного из Политбюро Романова, а вскоре — ослушника Ельцина. Пользуясь спортивной терминологией Льва Зайкова, нынешнего партийного босса столицы, можно назвать его "вечным запасным игроком". Не исключено, что он ещё понадобится в случае падения Горбачёва...

Возвратимся однако, к Андропову и его временам, когда борьба между Романовым и Горбачёвым была в самом разгаре, а исход её известен.

Если Горбачёв благодаря его покладистому характеру и искусному приспособленчеству был всеобщим любимцем в Политбюро /хотя некоторые члены последнего и догадывались о его подстрекательской роли в "медуновском сюжете"/, то Романов, напротив, многих смущал своей резковатостью. Даже тех, кто признавал за ним его деловые качества — организационные способности, работоспособность, одинаковую требовательность к себе и другим, верность сталинским принципам управления империей, которые в период правления Андропова приобрели наибольшую популярность в верхах.

Романова, которому всё доставалось его собственными, иногда тяжкими трудами, с досадными порывами срывами, — не мог не раздражать такой баловень судьбы, как Горбачёв. Пребывая в Политбюро на четыре года раньше Горбачёва, Романов попал в столицу на пять лет позже Горбачёва что не мешало ему, однако, смотреть на него свысока: Романов был как-никак ленинградцем, а Ленинград если и относился к провинции, то был всё-таки её столицей /его так и называли — "столица русской провинции"/ — это в отличие от такой глуши, как Ставрополь. Уклончивость и покладистость Горбачёва также вызвали глухое раздражение у крутого и прямолинейного Романова.

Как секретарь ЦК, Романов руководил тяжелой промышленностью и Вооружёнными Силами, что было, несомненно, важнее сельского хозяйства, которым ведал Горбачёв. Однако незадолго до смерти Андропов возложил на своего земляка дополнительные обязанности: взвалил на него партийные кадры. Среди сторонников Горбачёва числился министр иностранных дел Андрей Громыко, а среди сторонников Романова — начальник генштаба маршал Николай Огарков: оба требовали больших капиталовложений на армию, хотя казалось — куда больше?

Пока Андропов был ещё способен стоять у кормила власти, Горбачёв о

Романовым взаимно дополняли друг друга, а когда он заболел и окончательно слег, заменяли его вдвоём, несмотря на взаимную вражду. Увы, невозможно было поделить между ними пост Генерального секретаря, когда Андропов умер. В те четыре дня, которые прошли с его смерти до "избрания" его преемника, они дали тем большую волю своим политическим страстям, чем усерднее вынуждены были их сдерживать при жизни Андропова.

Мы не знаем — и скорее всего никогда не узнаем всех подробностей политической дуэли Романова и Горбачёва у гроба их общего патрона. Достоверно известно только, что те из "малотурок", кому всё равно "не светило" в этой борьбе призовое место — Гейдар Алиев, Виталий Воротников, Николай Рыжков, Егор Лигачёв и шеф КГБ Виктор Чебриков — пытались урезонить кремлёвских дуэлянтов, призвать их к взаимной уступчивости. Но не тут-то было! Оба оправдывали свои бескомпромиссные позиции не личным властолюбием, а высокими идеалами: Романов выступал под популярными знаменами неосталинизма, национал-шовинизма в то время, как Горбачёв, будучи идеологически скорее нейтрален /идеологические страсти бушевали в нём ещё в сталинские годы, на студенческой скамье/ предлагал укрепить империю с помощью скромных, паллиативных экономических реформ, частично памятных ему с бурных хрущёвских времён, а частично заимствованных им у своих учителей — Фёдора Кулакова и Юрия Андропова.

Оба претендента выступали как спасители Отечества, и не один не собирался уступать, потому что каждый понимал, что уступив сейчас, он уступит навсегда. Не в силах одолеть один другого, каждый из них предпочёл "голосовать" за Черненко, надеясь ко времени ухода этого брежневского денщика с политической сцены успеть перегруппировать свои силы и захватить власть. Таков был неожиданный исход этого политического поединка, из-за которого империя после смерти Андропова целых четыре дня оставалась без официального руководителя. Если бы не почтенный возраст Черненко и не многочисленные его болезни, и кабы не уверенность кремлёвских дуэлянтов, что дни его сочтены, не видать бы ему высшего кремлёвского поста как своих ушей.

Поживи Андропов ещё год другой, и его престолонаследником стал бы кто угодно, но только не 72-летний серый аппаратчик, одолеваемый посмертными хворями и не очень соображающий, что к чему. За 15 месяцев своего правления, большую часть которых он провёл в больнице, Андропов успел ввести в ограниченный состав кремлёвской эли-

ти достаточное количество верных ему людей, чтобы обеспечить себе безусловное большинство в Политбюро и Секретариате, двух высших органах Советской власти.

Однако Андропов не взял в расчёт, что не только большинство в кремлёвском руководстве, но и единство его группы обеспечивалось только им самим и никем более: он был как бы замковым камнем структуры, составленной из проверенных людей, — без него она должна была распасться и немедленно распалась. Верные хозяину, его люди не были связаны между собой никакими обязательствами. Именно между ними разгорелась борьба за власть, а не между "молодыми" и "стариками", как наивно полагало большинство западных наблюдателей.

К слову сказать, "стариками" оказались между собой более сговорчивыми, чем "молодые". Смерть Андропова вызвала у них вздох облегчения, а ввиду раздора в стане его учеников в "стариках" мгновенно сработал инстинкт самосохранения, развитый у них еще со сталинских времён, когда борьба за политическое выживание означала борьбу за жизнь. Никто из них лично не мечтал о власти и не надеялся на неё /менее всего — Черненко/ — честолюбие к этим годам уже перегорает. Власть, а точнее её внешние атрибуты достались Черненко, но могли достаться Гришину, Устинову или Тихонову; кому именно из этих семидесятилетних — большого значения не имело, ибо любое из их имён было псевдонимом обеспеченной старости, покоя, стабильности и почёта, включая посмертный: торжественные похороны на Красной площади и захоронение в кремлёвской стене или возле нее. Верховная власть в руках любого из них была безразличной властью, посмертным переизданием эры Брежнева, что и случилось при Черненко. Наперекор всем законам, история потекла в обратном направлении.

Это был настальгический контрпереворот стариков, а возможным он оказался только благодаря неприкрытому никакими партийными приличиями антагонизму между Горбачёвым и Романовым.

С назначением Черненко борьба между этими двумя не прекратилась, а разгорелась с ещё большей силой. Весь вопрос состоял в том, получил ли в этой борьбе Горбачёв преимущество благодаря тому, что именно ему пришла в голову в последний момент спасительная идея передать власть во временное пользование больному и недалёкому старику, самому случайному человеку в кремлёвском престоле за всю советскую историю.

Горбачёв вёл заседание ЦК, на котором официально утвердили кандидатуру Черненко на пост Генерального сек-

ретаря, а спустя еще два месяца Горбачёв выступил с номинационной речью на сессии советского "парламента", который "избрал" Черненко Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Получалось так, что Горбачёв сам отказывается от предназначенного ему политического наследства в пользу Черненко, обойдённого Андроповым за 15 месяцев до этого. Происходило как бы восстановление нарушенной Андроповым справедливости, и это, несомненно, засчиталось Горбачёву благодарными геронтократами, которые получили последнюю передышку.

Что касается реальных обязанностей политического импотента Черненко, то их Горбачёв и Романов, два секретаря ЦК в Политбюро, поделили между собой.

Горбачёв, не любивший углов и конфликтов, пытался заключить с Романовым перемирие, что выражалось даже внешне: он демонстративно заговаривал с ним на разных церемониях, встречал и провожал на шереметьевском аэродроме во время его поездок за границу, всячески пытаясь снять напряжение, хотя и не собираясь уступать.

Осенью 1984 года борьба вступила в решающую стадию. Главное действие кремлёвского спектакля, как обычно, происходило за кулисами, но на этот раз чуть ли не впервые в советской истории появилась редчайшая возможность /которой, увы, тогда никто не воспользовался/ заглянуть в святая святых советской империи не тайком, не с помощью секретных источников, слухов и гаданий, а сквозь призму официальной печати. Вот как, судя по ней, развивался осенний акт кремлёвской драмы.

В начале сентября Григорий Романов отправился в Эфиопию, однако вовсе не для того, чтобы спасти её несчастный народ от голодной смерти, но чтобы присутствовать в Аддис-Абебе на съезде только что учреждённой там коммунистической партии. Это официально. А не официально — чтобы с помощью оружия и советников укрепить тамшний просоветский режим. На этот раз Горбачёв уже не провожал, не встречал Романова, — как позже не провожал и не встречал Романов Горбачёва во время его поездок в Венгрию и Англию. Дипломатическое перемирие между ними кончилось.

Напомним, что многие радикальные сдвиги в советском руководстве происходят именно в отсутствие в Кремле некоторых его обитателей: заговор против Берии возник, когда тот был в Восточной Германии; Хрущёв снял маршала Жукова с поста министра обороны, пока тот охотился с маршалом Тито на югославском острове Бриони; самого Хрущёва сняли, пока тот отдыхал в Пицунде. Так произошло и на этот раз.

Пока Романов находился в Эфиопии, был снят его сторонник маршал Огарков, начальник Генштаба, а де-факто министр обороны при старом и больном Устинове.

Помимо ведомственной субординации, Романов, как секретарь ЦК курировал Вооружённые Силы страны — его связывала с Огарковым идеологическая близость. В журнале "Коммунист" и газете "Красная звезда" Огарков — вразрез с официальной партийной линией — выступил сторонником первого ядерного удара. Напомним и его знаменитую пресс-конференцию 1983 года, когда он безоговорочно оправдывал уничтожение советскими истребителями южнокорейского пассажирского самолёта и предупреждал, что так будет и впредь с любым нарушителем советских границ. Во всём поддерживая Огаркова, Романов требовал от Политбюро официального согласия на уход на пенсию номинального министра обороны Устинова и назначения на его место Огаркова.

В начале сентября в высших военных кругах Москвы это событие считалось неизбежным, его ждали со дня на день. Поэтому смещение маршала Огаркова было для всех неожиданным и произвело шоковый эффект среди кремлёвской партийно-военной элиты. Неожиданностью было оно и для самого Огаркова: вечерний выпуск газеты "Известия" с сообщением о том, что он всё ещё в должности начальника Генштаба провозжал финскую военную делегацию, поступил в киоски в то самое время, когда по радио объявляли о снятии его с этого поста без какого-либо объяснения причин.

Сентябрьская опала Огаркова была направлена не лично против него — его задело рикошетом. Она являлась результатом закулисных интриг Горбачёва против Романова, который сам по приезду из Эфиопии исчез с поля зрения и не появлялся ни на одной из совершенно обязательных для него кремлёвских церемоний — типа вручения наград Черненко 27 сентября или московскому партийному боссу Гришину 4 октября.

Обе церемонии, как водится, подробно освещались средствами массовой информации. Рядом с Черненко, по левую руку от него, победоносно улыбаясь, стоял Михаил Горбачёв; через неделю, при вручении наград Гришину, Горбачёв снова стоял рядом с Черненко, хотя на этот раз по другую сторону.

Поразителен был и сам факт "внеочередного" присуждения наград Черненко — обычно кремлёвские лидеры получают их по случаю того или иного круглого юбилея, а Черненко они достались на этот раз в 73 года: редкий случай в кремлёвском быту. И в ответственной речи Черненко обмолвился в высшей степени странной фразой, которую мож-

но понять только в контексте разгоревшейся кремлёвской борьбы: "Я принимаю эту награду в самый ответственный и, честно говоря, очень нелёгкий период моей вот уже пятидесятилетней работы в рядах КПСС."

Вряд ли Черненко говорил о состоянии своего здоровья — это вовсе не в кремлёвских правилах. Это также не могло относиться к состоянию дел в стране — за пятидесятилетний партийный стаж Черненко в ней происходили несравненно более драматические события: коллективизация, голод, "великий террор", война с финнами, война с немцами, смерть Сталина, XX съезд, снятие Хрущёва, переворот Андропова... Но как раз в это время в жизни империи наступило вроде бы некое затишье. В империи — да, но не в Кремле. Вот почему эту странную и отнюдь не случайную фразу Черненко отнести больше не к чему: она имела отношение только к кремлёвской борьбе, в которой Черненко взял сторону Горбачёва, за что и получил от "победителя" внеочередную награду — золотую звезду Героя Социалистического труда и орден Ленина.

В Москве в это время распространялись /скорее всего сторонниками Горбачёва/ слухи, что смещение Огаркова и ожидаемое вскоре снятие Романова являются вынужденной ответной мерой на предпринятую теми попытку переворота.

Исход кремлёвской борьбы казался уже предопределённым — как и незавидная судьба "заговорщиков". На октябрь назначен экстренный пленум ЦК, на котором, как ответственно сообщали западным журналистам представители Кремля, должны были произойти важные персональные перемены. Иначе говоря, победа Горбачёва будет закреплена официально, а Романов — выведен из состава Политбюро и Секретариата. Главный редактор "Правды" Виктор Афанасьев, опережая события и выражая свои верноподданнические чувства победителю, в беседе с японскими журналистами даже назвал Горбачёва "вторым Генеральным секретарём" — должность, отсутствующую как в партийном уставе, так и в советской политической реальности. Через несколько дней, однако, редактор вынужден был взять свои слова обратно, дезавуировать их, ибо в середине октября события приняли совершенно неожиданный поворот.

За десять дней до открытия внеочередного партийного пленума опальный маршал Огарков прибыл во главе советской военной делегации в Восточный Берлин, где был принят с почётом восточногерманским руководителем Эриком Хонекером. Об этом было сообщено сначала без указания должности маршала. Она была указана на

следующий день, и была необычна уже тем, что учреждалась прежде только во время войны: главнокомандующий всем европейским контингентом советских войск от Урала до Берлина.

Возвращение из опалы маршала Огаркова было обставлено совершенно деликатно, чтобы не посеять раздоры в высших военных кругах, где на пост начальника Генштаба уже был назначен бывший заместитель Огаркова, маршал Сергей Ахромеев.

Самое интересное, однако, заключалось в том, что о новой должности Огаркова не было объявлено не в Берлине и не в Москве, а в Хельсинки, объявил об этом ни кто иной, как Романов, приехавший в Финляндию с официальным визитом: возвращение Огаркова означало и возвращение его, Романова, к политической жизни. В это время заболел и больше уже не показывался на публике министр обороны Устинов, который вместе с Черненко дал санкцию на снятие Огаркова и принял сторону Горбачева против Романова.

Пленум ЦК состоялся в точно назначенный срок, однако, вместо того, чтобы стать политическим триумфом Горбачева, пленум ограничился рассмотрением рутинного вопроса о сельском хозяйстве, кризис которого стал уже перманентным в СССР и созыва чрезвычайного Пленума ЦК отнюдь не требовал. Ответственный за сельское хозяйство Горбачев на Пленуме не выступал, его имя даже не упоминалось в отчетах.

На очередной кремлёвской церемонии, показанной к вечеру по телевидению и на фотографиях во всех советских газетах, Горбачев хотя и присутствовал, но был отодвинут к самому краю, а в центре, внутри поредевшей группы кремлёвских латаргических старцев, находился Романов. Он же вместе с премьером Тихоновым, отправился на Шереметьевский аэродром встречать монгольскую делегацию во главе с генсеком и премьером МНР, — т.е. заменял Черненко, которому до аэропорта было уже не добраться по состоянию здоровья. А во время переговоров Романов сидел рядом с Черненко и, за недееспособностью последнего, фактически руководил ими. Еще через несколько дней советская печать, радио и телевидение, как по команде, стали подавать в качестве пропагандистского образа руководства — опыт романовского руководства промышленностью Ленинграда.

Напротив, поездка Горбачева накануне Рождества в Великобританию была освещена советскими средствами массовой информации — не в пример западным на редкость скромно, причём телекамера показывала английских хозяев, а не русского гостя, в газетах не появи-

лось ни одной фотографии Горбачева. Ещё одна поразительная деталь: если в первые дни его поездки заголовки в газетах гласили: "Визит Горбачева в Великобританию", то в последние три дня они неожиданно деперсонализировались: "Визит советской делегации в Великобританию". Это было очевидной реакцией Кремля на объявление Горбачева в мировой прессе, прежде всего в британской, "кремлёвским принцем", "вторым секретарем", "№2 в Политбюро". Кремль всегда с большой подозрительностью относился к предсказаниям /а тем более к похвалам врагов/. Поэтому западные комплименты Горбачева играли на руку не ему, а его сопернику Романову.

Последнему удалось ещё больше усилить свои позиции благодаря отсутствию Горбачева в решающий момент борьбы за власть, когда в связи со смертью министра обороны Устинова и ослаблением здоровья Черненко политический баланс в Кремле был нарушен. Узнав о последних событиях в Москве, Горбачев прервал свой визит в Англию и немедленно вылетел в Москву.

Председателем траурной комиссии был объявлен Григорий Романов. В отсутствие тяжело больного Черненко он стоял на мавзолее в центре трибуны. Все советские радио- и телестанции больше часа вели прямую трансляцию с Красной площади, а газеты отвели этой церемонии первые страницы, подчёркивая всдушую роль Григория Романова, словно всё это было устроено специально в честь его политического банефиса.

Что касается Горбачева, то он держался в стороне и даже не выступил над могилой своего старого друга", как он называл Устинова на пресс-конференции в Эдинбурге перед своим отлетом из Великобритании. Единственное, что ему оставалось — это наблюдать за политическим триумфом своего соперника.

Однако до смерти Черненко, на чей пост оба претендовали, оставалось целых два месяца — время достаточное для новой кремлёвской интриги. Если англичане поторопились с "инаугурацией" Горбачева, то Романов поспешил, релетируя на похоронах Устинова на Красной площади роль нового советского руководителя. Ни у того, ни у другого претендента не оказалось решительного перевеса. Если бы Черненко умер в сентябре, его место наверняка занял бы Горбачев, а если бы в декабре, во время поездки Горбачева в Англию, — тогда Романов. Ни один из них не обладал достаточным авторитетом и властью, чтобы взять верх над соперником.

Политические акции Горбачева на

западной бирже были не только выше, но и устойчивее, чем на кремлёвской. Однако именно выдержанный Горбачёвым экзамен в Великобритании окончательно склонил в его пользу Андрея Громыко. Для которого, ввиду его иностранной профессионализации, дипломатическое мастерство и умение расположить к себе иноземцев были важнейшим критерием политического лидера.

Увы, одной поддержки Громыко было бы недостаточно, — ввиду того, что на сторону Романова подались такие "волки" как Тихонов и хозяин советской столицы — Гришин. Сам же Романов, чувствуя, что у него недостаточно сил, чтобы одолеть Горбачёва, и не желая рисковать, решил повторить хитроумный ход своего соперника после смерти Андропова, когда тот выдвинул кандидатуру Черненко. Так и сейчас, весной 1985 года, когда Черненко осталось жить совсем немного, Романов "снял свою кандидатуру" и поставил на Гришина. И вот несколько дней подряд, во время предвыборной кампании в советский "парламент", Гришин регулярно появляется на телеэкране, на пару с уже немняемым Черненко, зачитывает от имени последнего обращение к "избирателям". Это выглядело настолько демонстративно, что как в Советском Союзе, так и за границей решили, что вопрос о кремлёвском престолонаследнике уже решён и следующей промежуточно-компромиссной фигурой на вершине кремлёвского Олимпа станет Гришин.

Тем временем, ввиду обострившейся ситуации, Горбачёв решил больше не рисковать и отменил свой визит в Париж на съезд французских коммунистов, хотя и он, и Раиса Максимовна были падки на такого рода заграничные турне, когда можно и мир посмотреть и себя показать.

Вопрос о новом генсеке был перерешён заново и окончательно, когда вмешался КГБ в лице его председателя Виктора Чебрикова. Хотя Чебриков был только кандидатом в члены Политбюро, без права голоса, однако именно его голос решил дело в пользу Горбачёва. Произошло это ещё при живом, хотя и умирающем Черненко.

То, что в конце концов шеф КГБ поддержал Горбачёва, было основано, с одной стороны, на трезвом расчёте: Горбачёвым, скорее суетливым и легко возбудимым, чем энергичным, легче управлять, нежели самоуверенным и спесивым Романовым; с другой — это был результат торговой сделки: КГБ получит взамен два дополнительных поста в Политбюро — для самого Чебрикова и для Шеварднадзе, который одновременно стал министром иностранных дел, несмотря на давнее "кавказское" столкновение между ним и Горбачёвым.

Напомним, что все трое — Горбачёв,

Шеварднадзе и Чебриков — были выдвиженцами Андропова.

Ошибка Романова заключалась в том, что он поставил на армию и не учёл извечный антагонизм между армией и органами госбезопасности, этими двумя опорами Советского государства. К тому же, согласно достоверным сведениям, Романов оказался менее сговорчивым, и опасаясь ослабления своей в перспективе единоличной власти /по началу за спиной у Гришина/, не хотел идти на уступки КГБ, что обошлось ему в конечном счёте значительно дороже. Боясь потерять часть, он потерял всё: не только проиграл Горбачёву, но и лишился даже тех постов, которые у него были, — члена Политбюро и секретаря ЦК. Официально он был освобождён от своих должностей по собственной просьбе, которую объяснил плохим состоянием здоровья — очевидный нонсенс, особенно на фоне такого катастрофического состояния здоровья Брежнева, Андропова и Черненко, которое не мешало им занимать высшие имперские посты до дня ухода в мир иной.

Естественно, проигрыш Романова сказался на судьбе маршала Огаркова, а заодно и на Гришине — оба были вскоре отстранены от власти.

Горбачёв был объявлен Генеральным секретарём с беспрецедентной скоростью — через четыре часа после сообщения о смерти Черненко, и впервые советские газеты напечатали портрет умершего вождя на второй странице, ибо первая была занята портретом, биографией и инаугурационной речью его преемника. Всё это свидетельствует вовсе не о том, что избрание Горбачёва было решено заранее. Совсем напротив: решение было провёрнуто так быстро, чтобы поставить соперника Горбачёва перед свершившимся фактом и чтобы повернуть назад было уже невозможно — разве что с помощью контрпереворота. Потому, что само назначение Горбачёва было результатом пусть небольшого, но все-таки дворцового переворота. Но это в давних традициях Кремля.

Накануне смерти Черненко там созрело по крайней мере три заговора: горбачёвский, романовский и запасной гришинский. Просто сторонникам Горбачёва с помощью КГБ, удалось опередить его противников.

Как и всю жизнь до этого, сам Горбачёв в "заговоре Горбачёва" играл скорее подсобную роль, а главную, решающую, на этот раз — министр иностранных дел Громыко и председатель КГБ Чебриков.

Однако борьба за власть в Кремле не кончается смертью одного вождя и приходом нового. Вот почему при всём желании выдвинуть какой-то прогноз

мы бы не решились сказать, что Горбачёв достаточно молод, чтобы ввести Россию в следующее столетие, а заодно и в новое тысячелетие /оба не за горами/. Ибо дело тут не только в возрасте. Поэтому и на близкие времена мы бы загадывать не стали. Тем более, что трон, полученный Горбачё-

вым во владение, — старый и непрочный, расшатать его легко, а удержаться на нём трудно.

В. СОЛОВЬЁВ, Е. КЛЕПИКОВА
/из книги "Кремлёвские заговоры от смерти Сталина до Горбачёва"./

ПРИЗЫВЫ К НОВОМУ ГОДУ

ПРОЛЕТАРИИ всех стран, **Б Е Р Е Г И Т Е С Ь !!!**
ПРОЛЕТАРИИ! Не будьте как обычно в пролёте!
КОЛХОЗНИКИ! В целях борьбы с ожирением выпускайте витамины!
РАБОТНИКИ ПАРТАППАРАТА! Цепко держите власть в своих руках!
ЖУРНАЛИСТЫ! Сделаем "ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ" образцом гласности!
ИЗОБРЕТАТЕЛИ! Изобретайте деревянные компьютеры!
ТЕЛЕВИЗИОНТИЗЕРЫ! Внушайте населению аскетизм и равнодушие!
РАБОТНИКИ ОБЩЕПИТА! Чтобы жизнь не казалась сахаром, во все доставляйте горчицу!
ЮНЫЕ МОДЕЛИСТЫ! Создавайте 3-ю, 4-ю, 5-ю и другие модели хозрасчёта!
БЕСПАРТИЙНЫЕ! Хватит быть **БЕСПАРОДНЫМИ!**
МИЛЛИОНЕРЫ! Берегите каждую копейку, она государству ещё пригодится!
ОБЩЕСТВОВЕДЫ! Обеляйте деяния партии нового типа!
ПАРТРАБОТНИКИ и ВЕТЕРАНЫ! Довите "ведьм"!
КООПЕРАТОРЫ! Делайте цены резиновыми, а продукты съедобными!
ХИМИКИ! Прекращайте выпуск чёрной краски, иначе партию никогда не отмыть!
РАБОТНИКИ РЕПРЕССИВНОГО АППАРАТА! Бейте по головам недовольных! Иначе они съдут вам на голову!
МУЗЫКАНТЫ! Переведем рок-группы в камерные оркестры!
РАБОТНИКИ ОРГАНОВ! Организуйте заготовку "врагов перестройки"!
ПРОСТИТУТКИ! Боритесь с вымыванием дешёвого ассортимента постельных услуг!
ШАХТЕРЫ! Закапывайте поглубже серп и молот!
НАРОДЫ ПРИБАЛТИКИ! Открывайте окна настёж в общеевропейский дом!
ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ! Лишь наступление — лучшая защита!
АЛКОГОЛИКИ! ПОМНИТЕ! Покупая водку — вы финансируете Советскую Армию!
РАБОТНИКИ НОЖА И ТОПОРА! Ещё теснее сплачивайтесь вокруг авангарда общества!
РАБОТНИКИ ФАБРИКИ "ГОЗНАКА!" Нарращивайте выпуск конечного продукта!
РАКЕТЧИКИ! ВАША ЦЕЛЬ — КОММУНИЗМ!
СОВЕТСКИЕ КОСМОНАВТЫ! Создавайте околоземную систему социализма!
РАБОТНИКИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ! Подороже продавайте Советский Союз!
СОВЕТСКИЕ УЧЁНЫЕ! Смелее внедряйте в производство антивещество!
ОБЫВАТЕЛИ! Капитулируйте перед мировой цивилизацией!
ЖИТЕЛИ БРАТСКИХ СТРАН СОЦИАЛИЗМА! Сейте сорняки демократии и плюрализма на советской земле!
ВЗЯТОЧНИКИ! Берите взятки только инвалютными рублями!
НОМЕНКЛАТУРА! Переименовывайте спецдачи, спецраспределители, спецбольницы в места "для обслуживания иностранцев"! Сами становитесь ими!
РАБОТНИКИ СУДОВ! Мотайте на всю катушку!
ЭНЕРГЕТИКИ! Мирный атом — в каждый дом!
БИОЛОГИ! Закладывайте Уголовный Кодекс в генетический код!
НЕФОРМАЛЫ! Загоните партию в подполье!
СТРОИТЕЛИ! Сделаем к 2000 году нормой для всех социалистическое общежитие!
МЕЛИОРАТОРЫ! Осушим пустыни, оросим болота, выпьем озёра!
СТРАНА СОВЕТОВ! ПРОТЯНИ РУКУ В МИР, ИНАЧЕ ПРОТЯНЕШЬ НОГИ!
С Н О В Ы М Г О Д О М , Г Р А Ж Д А Н Е ! Н Е К А Ш Л Я Й Т Е !

ЦК КПСС /Камерной Партии Священного СОЮЗА/

Ответственный за выпуск — Безручко А.И.

Подписано к печати 10.12.89 формат 60×84/16 бумага 3 объем 1.0

П.Л. 0,8 уч.-изд.л. Тираж 1 000 экз. Заказ № 19. Цена — 1 руб.

Отпечатано на ротапринтере НИА "БЕЛОРУССКАЯ ЗВЕЗДА" /БЕЛСТАР/.

ПРИМЕЧАНИЕ. Координационный совет информгентства "БЕЛСТАР", содействовавший выпуску этого номера, не несёт ответственности за его содержание.